

Функции вставных компонентов в текстах

В. Солоухина

В последние два-три десятилетия вставные компоненты так или иначе оказывались в поле лингвистических исследований ([4], [5], [11], [8] и др.). Независимо от аспекта изучения характеристика вставок по существу не изменилась: они включаются в систему осложняющих предложение (высказывание) компонентов и определяются как: 1) явление особого порядка, которому присуще своеобразное выпадение из общей линии повествования; это не разрушающее основное высказывание, а временно разрывающее его структуру, выражающее дополнительные замечания самостоятельного модального характера и выступающее как один из способов осложнения высказывания ([6]; 49); 2) явление, не поддающееся традиционной систематизации и классификации по причине его семантической многоплановости; 3) явление, в котором структурный диапазон вставок колеблется от знака препинания (?), (!), (?!) до целого фрагмента текста; 4) явление, у которого характер грамматической связи с высказыванием остаётся неопределённым; 5) явление, которому присуща специфичность просодической характеристики, что проявляется в использовании особого, «сильного», пунктуационного знака — скобок.

В большинстве случаев характеристика вставных элементов основывается на сопоставлении с другим явлением парантезы — с вводными компонентами. Сопоставление основывается на выявлении дифференцирующих и интегрирующих признаков. В литовской лингвистической литературе вставки чаще всего квалифицируются как разновидность вводности ([12]; 645; [14]; II, 106; [14]; 88 и др.). Не единичны и случаи, когда вставные компоненты соотносятся с обособленными членами и присоединительными конструкциями. К сожалению, ни одна попытка соотношения вставных компонентов с другими осложняющими высказывание элементами не привела к общей и приемлемой структурно-семантической систематизации вставок.

С развитием общей теории языка и актуализацией в современной филологии антропоцентрического подхода возникает потребность

осмысления вставочности в соотношении «язык и человек». По мнению А.А. Потехни, именно в языке и при помощи языка человек осознаёт и проявляет себя как личность [9]. Как отмечает Р.А. Будагов, «человеческое», столь очевидное в своих проявлениях в лексике и стилистике, обнаруживает себя и в других сферах языка, в его различных и бесконечно многообразных выразительных возможностях. К таким «выразительным возможностям» несомненно относятся и вставные компоненты.

В словесном плане (в широком смысле) вставочные компоненты, если убрать скобки, практически не отличаются от слов, словосочетаний, распространённых и нераспространённых, неосложнённых и осложнённых простых предложений, а также разных типов сложных предложений и даже микротекста. ...*Встретившись в Москве с моим другом и земляком (из соседнего села) Сашей Косицыным, мы тотчас начинаем вспоминать наши места...* (Белая трава). — Ср.: ...*с земляком из соседнего села...*; *Давясь словами и покраснев (хорошо, что в темноте), я промямлил, протягивая Сергею бумажку:...* (Мочёные яблоки). — Ср.: *Давясь словами и покраснев, хорошо, что в темноте, я промямлил...* и др.

Реализация потенциально-функциональных возможностей языковых единиц прежде всего зависит от автора как языковой личности, владеющей системой языка и стоящей за каждым текстом. По мнению В.В. Виноградова, автор «сквозит в художественном произведении всегда. В ткани слов, в приёмах изображения ощущается его лик» [3]. Думается, что вполне правомерно отнести к таким приёмам и вставные элементы и рассматривать их не как осложняющий предложение/высказывание компонент, а как «авторское прямое предметно направленное слово» ([2]; 267), репрезентирующее индивидуальную словесно-речевую структуру конкретного текста. Определение функций вставок, с нашей точки зрения, невозможно вне конкретного текста, вне изучения конкретного писательского своеобразия, представленного в том или ином его произведении, выполненном в том или ином стиле или жанре.

Вставные компоненты — это явление письменной формы речи, структурно и семантически полностью зависящее от коммуникативных намерений автора и участвующее в формировании идиостиля писателя.

Функции вставок в текстах В. Солоухина

Как показывает опыт изучения функций вставных компонентов в текстах В. Солоухина с позиций конкретно-текстового и конкретно-авторского подхода, основной функцией вставок следует считать функцию авторизации. Вставные компоненты служат экспликации автора как

языковой личности и участвуют в системе других средств (например, формы первого лица), формирующих образ автора.

Среди писателей, в текстах которых встречаются вставные компоненты, В. Солоухин выделяется тем, что вставные компоненты в его текстах не просто «встречаются», а являются неотъемлемым признаком композиционно-стилистической специфики текста. В текстах В. Солоухина, а особенно в тексте «Мать и мачеха», представлены все возможные структурные типы вставок, начиная со знаков препинания и кончая крупными фрагментами текста, в которых, в свою очередь, тоже имеются несколько «ярусами» расположенные разнотипные вставки. «Ярусное» расположение вставок в текстах В. Солоухина можно объяснить лингвистической сущностью вставочности, которая, по мнению Н.А. Кобриной, «есть отражение и материализация в языковых формах особого, не линейного, а ярусного соотношения логем в ходе мыслительного процесса» ([5]; 17). Ярусный характер мышления, проявляющийся в обилии вставок в текстах В. Солоухина, обеспечивает информативную насыщенность текста и служит показателем семантического развёртывания основной информации субъектной сферы автора. Поэтому можно сказать, что вставные компоненты в текстах В. Солоухина являются одним из основных показателей «яруса» автора.

Авторская позиция, выраженная в форме вставки, может быть определена как подсказка для читателя, необходимая для декодирования основной информации, и как форма реализации намерения автора программировать восприятие текста и приобрести в лице читателя соучастника ситуации. Кроме того, вставные компоненты можно квалифицировать как одну из форм проявления специфики хода мысли и самовыражения говорящего/автора текста, рассчитывающего на взаимопонимание.

Вставные конструкции, представленные в текстах В. Солоухина, чаще всего участвуют в создании 1) модальной и 2) темпоральной двуплановости, сопровождаемой либо а) двуплановостью способа представления речи (внутренней или прямой), либо б) двуплановостью эмоционально-оценочного характера, либо в) двуплановостью актуального членения текста.

Модальная двуплановость

Модальная двуплановость в текстах В. Солоухина является всеобъемлющей, присущей всем структурным типам вставок (начиная со знака препинания и кончая «текстом в тексте») и обеспечивает диалогизацию монологического текста. Сущность модальной двуплановости заключа-

ется в том, что введение в текст вставных компонентов актуализирует субъективную модальность, которая, в свою очередь, является одним из способов проявления языковой личности, одним из средств экспликации позиции автора, средством персонализации авторского «я». Наличие вставки реализует коммуникативное намерение автора (чаще его) выразить своё мнение, отношение, прямо или опосредственно, к высказыванию, его части или фрагменту текста. Чаще всего это значения согласия/несогласия, принятия/непринятия сообщаемого в основной части высказывания, а также одобрения, порицания, сомнения, побуждения, предостережения, непонимания, вопроса, призыва, подчёркивания. Выражение всех перечисленных значений в лингвистике соотносится с понятием субъективной модальности ([7]; 299—300), а в нашем случае — с субъективной авторской модальностью.

Двуплановость модальности высказывания (или текста) выражается как структурно, так и семантически. Структурно вставка разрывает линейность повествования интонационно и пунктуационно. Семантически вставка «перехватывает» ход повествования, разделяя его на основную часть, в которой выражается относительная объективная модальность, и добавочное сообщение-вставку, в которой выражается субъективная авторская модальность. Относительность объективной модальности основного высказывания определяет то обстоятельство, что и основная, и добавочная информация в текстах В. Солоухина часто бывает связана с одной субъектной сферой, т.е. с автором текста. *Если бы Витька отнекивался, отказывался, а потом нехотя пошёл, было бы куда всё проще. А после моих слов он улыбнулся от уха до уха (рот у него такой, как раз от уха до уха) и радостно согласился: — Ну ладно, тогда пойдём (Мститель).*

В основной части высказывания субъект повествования в текстах В. Солоухина рассказывает о конкретных ситуациях, в которых участвует сам, а во вставках, выражая своё отношение к сообщаемому, раскрывается сам. Так, в рассказе «Мститель», персонаж, от имени которого ведётся повествование, был обижен Агафоновым. Витя подкрался сзади и ударил героя комком земли. Вскоре созрел план мести. В процессе его осуществления у субъекта повествования появляются сомнения в правомерности мести. Обоснование отказа от неё содержится именно во вставках, представляющих собой внутренний монолог-рассуждение субъекта повествования.

Сначала мы зажгли небольшую сосновую веточку, пушистую, но высохшую, с красными иголками. Она вспыхнула от одной спички и горела так, словно гореть для нее большая радость, то есть даже ничего нет

на свете лучше, чем сгореть в нашей теплинке. Она вроде бы даже не горела, а плясала, как девчонка в ярко-красном платице. (Если вдуматься, Витька этот не такой плохой мальчишка, и в лесу с ним интересно, только вот зачем он тогда меня треснул промежду лопаток? Теперь придется ждать, когда кончим жечь теплинку) (Мститель).

И через два абзаца:

Когда мы раскапывали яйца, из земли шёл пар — настолько она прогрелась и пропарилась. Надо ли говорить, что яйца уpekлись на славу. Мы съели с ними остатки соли. Никогда я не ел яиц вкуснее этих. (Конечно, это Витька придумал печь яйца. Всегда он что-нибудь придумает, даром что уши торчат в разные стороны) (Мститель).

Форма вставки в данном случае становится художественным приемом раскрытия процесса преобразования «мстителя» (так назван и рассказ) в решившего «не бить Витьку», а также способом и формой выражения двушлановости самого повествования (текст в тексте) и модальности текста, проявляющейся в оппозиции «казалось, мститель — оказалось, что не мститель».

Содержание вставок в прозе В. Солоухина чаще всего имеет индивидуально-ассоциативный или экстралингвистический (научно-энциклопедический) характер. В количественном отношении в текстах преобладают индивидуально-ассоциативные вставочные компоненты.

Индивидуально-ассоциативное содержание вставок, выражающих согласие/несогласие, одобрение/порицание, побуждение/предостережение, сомнение и др., чаще всего служит диалогизации монологического текста и бывает представлено в текстах на уровне словоформы, словосочетания, предикативной единицы или более сложной конструкции, а также фрагмента текста, чаще всего имеющего характер рассуждения.

1. Одной из самых употребительных форм диалогизации монологического текста является использование вставки в функции ответной реплики, характерной для диалогической речи: *Нелепым образом всплыла в памяти фраза какого-то индийского мудреца (Ганди?), которую я не помнил про себя... (Девочка на урзе моря). Тот, кого ударили, вдруг обиделся (ещё бы не обидеться, когда ударили!) и на другой день пожаловался в милицию (Ледяные вершины человечества).*

2. Нередки случаи, когда диалогизирующая вставка занимает не позицию ответной реплики, а позицию вопросной реплики, предполагающей получение согласия или разрешения на продолжение повествования: *Севан к тому же облагорожен и (можно ли так сказать?) дополнительно одрагоценен тем, что среди голубой севанской чаши*

положен острогранный камешек, а на камешке построен в девятом веке монастырский храм (Ното sapiens).

3. Весьма часто в функции диалогизации встречаются вставки, представляющие собой эмоционально окрашенную внутреннюю речь: *Теперь потрескивают чужие рёбра, а я на площадке, я в вагоне (О, тёплый, знакомый, уютный запах вагона!)* (Комбинированный вагон). *Потом щёлкнуло, и живой (живой!) девический голос неизвестно откуда ответил: «Коммутатор» (Мокрый снег).* *С этим домом я впервые познакомился лет двенадцать назад (боже мой, как летит время!)* совершенно случайно (Девочка на урзе моря).

4. Немногочисленными являются эмоционально насыщенные вставные компоненты, функция которых может быть определена как выявление несоответствия и его корректировка, отрицательный комментарий всего или части содержания основной информации:

За долгую дорогу о чем только не поговоришь. Валерия похвасталась, что где-то в донских степях, под каким-то хутором Веселым (чтобы никогда ему не было весело!), она видела, как при ней колхозники наловили и отправили на аэродром восемьсот килограммов раков, почти тонну. Была телеграмма из Москвы: доставить к такому-то часу. Наверно, какой-нибудь правительственный заказ. Раки были, как омары, огромные, глазастые, с широкими длинными хвостами.

Мне представилось, как я из тинистого берега, сам перепачкавшись в тине, с трудом вытаскиваю ей из норы жалкого рачонка с оторванной клешней (ну пусть хоть и взрослого рака), и горькая обида неизвестно за что и на кого подкатилась к горлу (Кувшинка).

5. Иногда в одном высказывании употребляется не одна, а две или даже три вставки. В таких случаях основная часть высказывания и ставка напоминают вопросно-ответную форму диалога, в котором нет вопросов, а даны только ответы.

В. Солоухин

Потенциальный
читатель

Надо всё время беспокоиться, всё время бояться (достанешь ли билет), всё время суетиться, бежать с вещами (вообще неприлично бежать взрослому человеку, если это не утрення зарядка и нет пожара), а потом бояться за место (отвернёшься — займут)... (Комбинированный вагон)

— Чего?

— А прилично?

— Почему?

Данный случай как нельзя лучше показывает способность вставных

компонентов диалогизировать монологическую речь, увеличивая таким образом объём актуальной информации, которую весьма часто несправедливо называют избыточной, необязательной для понимания смысла основного сообщения ([10]; 159). Изъятие вставки коренным образом изменило бы характер основного сообщения: в контексте дана конкретная, многим знакомая ситуация о поездках на поезде, что в оценке самого автора звучит так: «противоположно спокойному достоинству человека» (там же). Без вставок данное высказывание превратилось бы в сообщение общего порядка, не соотносённое с конкретной ситуацией речи. Наличие же вставок обеспечивает создание конкретной ситуации речи, и высказывание, оформленное как сложная синтаксическая структура, воспринимается как диалогический дискурс.

6. Довольно часто вставные компоненты являются своеобразным риторическим диалогом автора с героем диалога, в котором дается негативная оценка поведения героя, и этим автор показывает, что он придерживается других моральных принципов. При этом автор не скрывает своей досады и своего косвенного участия в происходящем.

В таких вставках могут быть использованы обращения, формы второго лица, вопросительные конструкции и, кроме этого, второй «ярус» вставок с явно выраженной оценкой.

Использование вставных конструкций помогает автору скрыться не только «за спиной» героя и «отграничить» себя от него, но и от рассказчика и, посмотрев на происходящее с «третьего» яруса, порассуждать, кто виноват в происходящем и что из всего этого может получиться, хотя остаться совсем сторонним наблюдателем ему не удастся, да, возможно, и не хочется.

Прежде чем падать, всегда бывает нужно переступить что-нибудь заветное, чистое, светлое. Плюнуть этому светлему в глаза, выругаться как можно сквернее, по-матерному. Тогда уж человек может все. Легко и свободно падает он в любую помойную яму. Не заметит, что измазался.

(Можно бы упрекнуть героя, а более того рассказчика, что очень уж легко такая нелегкая плавучая снасть, такой, можно сказать, тяжелый и устойчивый корабль дал крен и черпнул забортной воды. Говорят, что тяжелый корабль только тогда поколеблется и оседет, если поразить его одновременно в несколько разных отсеков.

Но и то правда, что по времени почти совпали и трагическая, для Дмитрия (хотя сам виноват), история с Сашей Марковичем, и неудача, постигшая поэму, и теперь вот самое личное и большое... Словно три бикфордовых шнура подкрадывались дымься, к трем вот именно смеж-

ным, хоть и разным, отсекам его души. *Посмотрим ещё, найдется ли что-нибудь попрочнее и поосновательнее, что в конце концов удержало бы на плаву*) (Мать и мачеха).

Показательными в этом случае для выражения «сторонней» позиции автора и выражения модального характера вставки являются такие элементы, как *можно бы упрекнуть, можно сказать, говорят, но и то правда, посмотрим, хотя сам виноват*, которые выражают значение сомнения, являющееся одним из значений, формирующих субъективную модальность.

В некоторых случаях отдельные фрагменты текста строятся так, что в одной большой вставке имеется несколько небольших. Чаще всего это случается тогда, когда авторская интерпретация события совпадает с позицией героя, но некоторая «отчужденность» все-таки сохраняется, и автор хочет это подчеркнуть. Это удаётся за счёт введения вопроса и конкретизирующего замечания. В подобных случаях, очевидно, можно говорить о многоплановости, и о многоярусности использования вставок. Субъективно-модальный характер вставки часто усиливается находящимся в инициальной позиции вводным компонентом, обеспечивающим связь вставки с основным текстом или его фрагментом.

Приведенные случаи использования достаточно больших по объему вставных конструкций несомненно свидетельствуют о том, что вставки могут квалифицироваться как один из способов композиционно-стилистической организации текста или его частей, служащий диалогизации монологического повествования, и как средство выражения субъективной модальности.

Композиционно-стилистический характер функций вставок дает основания полагать, что вставочность — явление более сложного порядка, чем компонент, осложняющий простое предложение, и поэтому её не следует рассматривать в синтаксисе осложненного предложения. Вставные конструкции, будучи средством выражения субъективной модальности, диалогизируют монологичность повествования.

Информация, передаваемая вставной конструкцией, «зависит» от автора и подчеркивает интроспективность субъекта вставки. Использование вставных конструкций как одного из способов проявления особенностей авторского стиля и возрастание их количества в современной художественной, публицистической и научной литературе может быть объяснено общей тенденцией языка к компрессии речи и вместе с тем к увеличению емкости информативного, эмоционально-экспрессивного индивидуализированного содержательного плана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солоухин В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1984.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
3. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980.
4. Вяткина С.В. Становление и развитие вставных конструкций в русском литературном языке XVII—XX в.в.: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1987.
5. Кобрин Н.А. Предложения со вставной предикативной единицей в современном английском языке: АДД. Л., 1975.
6. Ляпон М.В. Русский язык: Энциклопедия. М., 1996.
7. Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.
8. Патроева Н.В. Осложнённое предложение и его функции в поэтической речи (на материале стихотворений и поэм Е.А. Баратынского). Петрозаводск, 1999.
9. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М.; СПб., 2003.
10. Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложнённого предложения. М., 1990.
11. Шаймиев В.А. Роль вставных конструкций в реализации текстовых категорий // Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц: Сб. ст. Л., 1988.
12. Dabartinė lietuvių kalbos gramatika. Vilnius: Mokslas, 1994.
13. Labutis V. Lietuvių kalbos sintaksė. II d. Vilnius, 1994.
14. Gaivcnis K., Keinys S. Kalbotyros terminų žodynas. Kaunas, 1990.

Functions of Parentheses in the Texts of V. Soloukhin

Recently the linguistic means of author's self-expression as the subject of a text has become an especially relevant topic in philological investigations. The article under discussion presents one of the possible attempts to relate explication of the author's position to parentheses. The linguistic analysis of texts extracted from the writings of V. Soloukhin shows that parentheses can be treated not only as stylistic and structural elements of the text, but as a means of author's self expression as well. They help to render the author's and character's identity/nonidentity, to define relation between the two sides of discourse subjects, i.e. a real text-creating subject and a fictitious character of the text.

In the article grammatical significance of parentheses is related to the category of subjective modality.